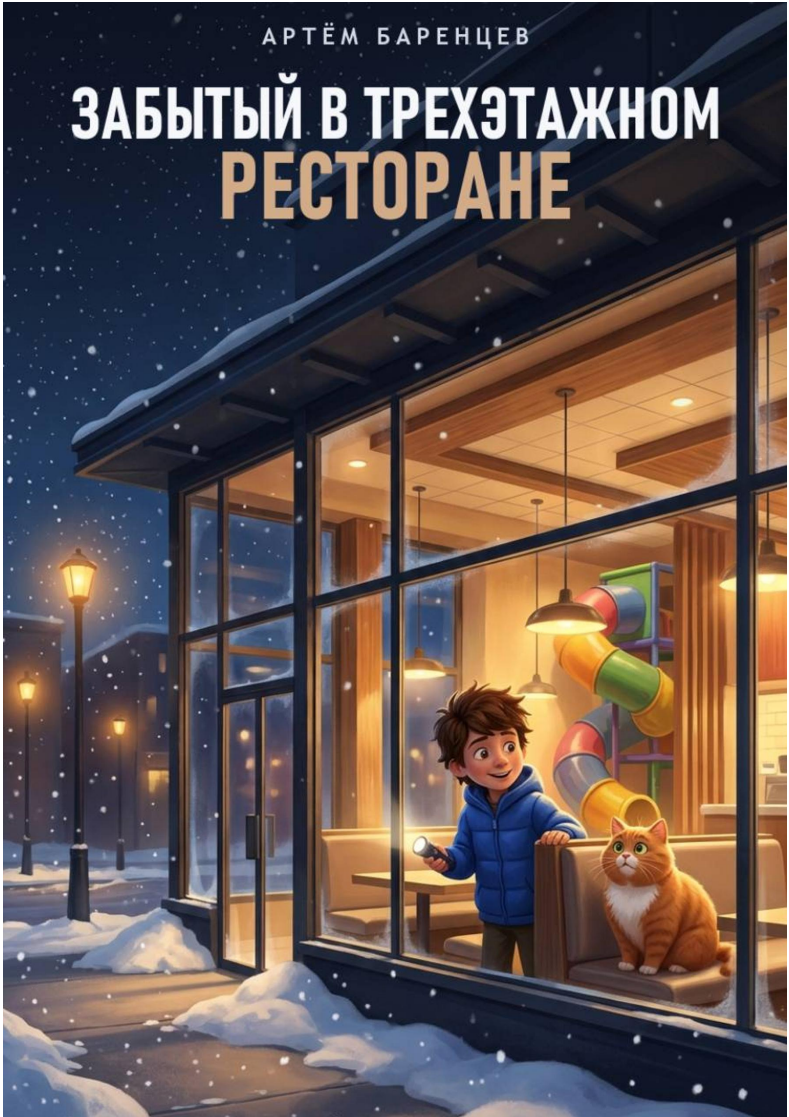
АРТЁМ БАРЕНЦЕВ

ЗАБЫТЫЙ В ТРЕХЭТАЖНОМ РЕСТОРАНЕ

Артем Баренцев

Забытый в трехэтажном ресторане

https://litres.ru/74756188
SelfPub; 2026

Аннотация

В суматохе вечерней Москвы семья Морозовых забывает одиннадцатилетнего Артёма во флагманском трехэтажном ресторане на Пушкинской площади. Защитные металлические жалюзи опускаются, телефон разряжается, и мальчик остается один в огромном пустом здании. Растерянность быстро сменяется азартом: Тёма исследует тайны кухни и находит неожиданного друга в лице рыжего кота Барсика. Но ночью в заведение проникает банда бывшего кладовщика Вадима Игнатьева, задумавшего похитить сервер и сжечь здание. Заперев дежурного инженера Григория Степановича, бандиты уверены в легкой добыче. Они не подозревают, что юный изобретатель превратит кухонные автоматы и залы в хитроумную полосу препятствий, чтобы защитить ресторан.

Содержание

Глава 1. Последний заказ перед полуночью 4
Глава 2. Хозяин пустого зала 13
Глава 3. Шорох в вентиляции 21
Глава 4. Подземные лабиринты 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Забытый в трехэтажном ресторане

Глава 1. Последний заказ перед полуночью

Ноябрьская Москва за окнами огромного трехэтажного ресторана на Пушкинской площади тонула в холодном косом дожде, который к полуночи начал превращаться в мелкую белесую снежную крупу. По широкому асфальту Тверской улицы с глухим шелестом катили бесконечные вереницы автомобилей, разбрызгивая мутную воду и отражая в мокрых лужах тысячи неоновых огней. Памятник поэту в сквере напротив казался темным задумчивым исполином, укутанным в промозглый туман, а вот здесь, за двойными панорамными стеклами флагманского заведения быстрого питания, царил совершенно особый, отдельный мир.

В зале пахло жареной картошкой, карамельным сиропом, горячим хлебом с кунжутом и свежесваренным кофе. Несмотря на поздний час пятницы, вокруг еще кипела жизнь. Десятки светящихся сенсорных терминалов самообслуживания непрерывно звенели электронными переливами, из зоны открытой кухни доносился мерный писк тай-

меров фритюрниц, а на широких табло над стойкой выдачи заказов то и дело вспыхивали зеленые трехзначные номера. Люди в мокрых пуховиках и длинных пальто спешили забрать свои бумажные пакеты, встряхивали зонты у входа и поднимались по широким гранитным лестницам на второй и третий этажи, где под высокими потолками гудело эхо сотен приглушенных голосов.

В дальнем углу первого этажа, прямо возле стеклянного ограждения гигантского детского игрового городка, развернулся настоящий семейный штаб Морозовых. На двух сдвинутых столах громоздились пустые картонные коробки из-под бургеров, смятые салфетки, стаканчики из-под вишневого пирожка и пузатые пластиковые купола молочных коктейлей.

«Илья, ты положил в багажник синюю спортивную сумку с теплыми свитерами?» громко, сквозь общий гул зала, спросила Ольга Николаевна Морозова, торопливо застегивая молнию на детском комбинезоне двухлетнего Мишки. Женщина выглядела уставшей после пятичасового стояния в пробках на третьем транспортном кольце, но ее движения оставались быстрыми и четкими. «Если мы забудем сумку в багажнике на морозе, Мишка утром останется без сухих колготок. И проверь ключи от дачи, они должны быть в боковом кармане куртки».

Глава семейства, Илья Андреевич, высокий широкоплечий мужчина сорока лет в походной куртке-парке, оторвал-

ся от экрана телефона, где сверялся с навигатором. На карте вся вылетная магистраль в сторону области была закрашена густым бордовым цветом из-за дорожных работ на мосту.

«Ключи на месте, сумка в багажнике под запаской», отозвался Илья Андреевич, допивая остывший капучино из бумажного стаканчика. «Нам надо выезжать прямо сейчас, иначе застрянем на развязке у МКАД до трех часов ночи. Дождь со снегом усиливается, трассу прихватит ледяной коркой. Алиса, собирай свои наушники и зарядные провода, хватит сидеть в телефоне».

Пятнадцатилетняя Алиса Морозова, сидевшая на диванчике с подогнутыми ногами, даже не подняла глаз от светящегося экрана. В ее ушах белели крошечные беспроводные капсулы, пальцы с идеальным маникюром порхали по виртуальной клавиатуре, а лицо выражало глубочайшую вселенскую скорбь подростка, которого против воли везут на ноябрьские выходные в деревянный дом без скоростного кабельного интернета.

«Я уже сто раз все собрала», пробормотала Алиса, неохотно засовывая портативный аккумулятор в крошечный рюкзачок. «И вообще, почему мы не могли остаться в городе? У меня завтра стрим с девчонками, а там даже связь ловит только на чердаке возле печной трубы».

Одиннадцатилетний Артём Морозов, которого все домашние звали просто Тёмой, сидел на самом краешке пластикового стула и с огромным интересом разглядывал

устройство автоматического конвейера за стеклом раздачи. У Тёмы были непослушные русые вихры, живые карие глаза и неистребимая страсть к технике. Пока взрослые спорили о сумках и навигаторе, он мысленно высчитывал скорость движения ленты, подающей горячие пирожки к упаковочному столу, и прикидывал, какой крутящий момент выдает приводной электромотор. В школьном рюкзаке Тёмы рядом с учебниками всегда лежали отвертка с набором бит, моток изоленты, пара неодимовых магнитов и разобранный шаговый двигатель от старого принтера.

Внезапно идиллия сборов нарушилась громким детским всхлипом. Двухлетний Мишка, которого мама на секунду спустила на пол, взмахнул пухлой ручонкой и выронил ярко-желтый детский планшет в резиновом чехле. Тяжелый противоударный гаджет с веселым стуком отскочил от керамогранитной плитки пола, пролетел под ограждением детской зоны и с глухим шорохом скользнул прямо в нижний смотровой люк трехэтажного пластикового лабиринта.

«Плансик! Мой мутик!» истошно завопил малыш, заливаясь горючими слезами и тыча пальцем в темноту разноцветной пластиковой трубы. «Там синий трактал! Мутик уехал!»

«Ну вот, только этого нам не хватало», всплеснула руками Ольга Николаевна, пытаясь успокоить плачущего ребенка. «Илья, он же не уснет в машине без своих песенок. Мы всю дорогу с ума сойдем. Достань его скорее».

Илья Андреевич подошел к входу в игровой городок, кри-

тически оценил узкий диаметр пластикового туннеля и покачал головой: «Оля, я туда при всем желании плечами не протиснусь. Я там застряну как Винни-Пух, и тогда придется вызывать спасателей МЧС с гидравлическими ножницами».

«Я достану!» мгновенно вызвался Тёма, с готовностью вскакивая со стула. «Я знаю этот лабиринт. Планшет наверняка скатился по спирали к повороту на второй ярус. Я за одну минуту туда и обратно, честное слово!»

«Только быстро, одна нога здесь, другая там», строго скомандовал отец, глядя на наручные часы. «Без акробатики. Забрал и сразу на выход. Мы уже греем машину на служебной парковке за углом».

Тёма скинул кроссовки у входа в мягкую зону, остался в плотных носках и с ловкостью ящерицы нырнул в прозрачный сетчатый рукав нижнего уровня. Внутри лабиринта пахло нагретым полиэтиленом, поролоном и сухой чистотой. Конструкция была грандиозной: три этажа переплетенных труб, подвесных мостиков, сухих бассейнов с разноцветными шариками и винтовых горок, уходивших под самый потолок ресторанного зала. Днем здесь стоял невообразимый детский визг, но сейчас, перед закрытием, в трубах царила гулкая полутьма.

Тёма быстро вскарабкался по мягким поролоновым ступенькам на второй ярус, перелез через качающееся бревно и заглянул в изогнутую спираль большой синей трубы. В глубине, на изгибе между вторым и третьим этажами, действи-

тельно тускло мерцал дисплей упавшего планшета, на котором беззвучно кружился нарисованный трактор.

«Есть контакт!» прошептал мальчик.

Он лег на живот и протиснулся в трубу. Пространство было рассчитано на детей младшего возраста, поэтому Тёме пришлось вытянуть руки вперед и работать локтями, словно заправскому спелеологу в узкой карстовой пещере. Пальцы нащупали мягкий резиновый уголок чехла. Тёма победно ухватил планшет, нажал кнопку блокировки, чтобы погасить экран, и попытался сдать назад.

И вот тут случилось непредвиденное.

Левая нога Тёмы зацепилась шнурком спортивных штанов за металлический карабин защитной страховочной сетки, натянутой на стыке секций трубы. Мальчик дернулся, попытался повернуть ступню, но узел только затянулся крепче. К карабину добавился плотный поролоновый валик, который спружинил и намертво заклинил щиколотку между жестким пластиковым кольцом и натяжным тросом.

«Да чтоб тебя!» сердито буркнул Тёма, изгибаясь всем телом в тесной трубе. «Только не сейчас!»

Он попытался дотянуться рукой до ноги, но длины туловища в узком пространстве катастрофически не хватало. Пришлось переворачиваться со спины на бок, упираться плечами в скользкие своды и сантиметр за сантиметром подтягивать колено к груди. Пальцы нащупали застрявшую штанину. Ткань натянулась струной.

Пока Тёма увлеченно боролся с упрямым карабином, внизу, в огромном ресторанном зале, раздался мелодичный электронный гонг. Голос диктора в потолочных динамиках вежливо, но непреклонно произнес: «Уважаемые гости! Наш ресторан завершает обслуживание. Через пять минут двери заведения будут закрыты до шести часов утра. Просим вас закончить трапезу и проследовать к выходам. Благодарим за визит и желаем приятной ночи».

Внизу послышался шум отодвигаемых стульев, шаги последних посетителей и щелканье сумок.

«Алиса, где Тёма?» донесся до слуха мальчика приглушенный голос мамы откуда-то снизу.

«Да он к машине побежал еще три минуты назад!» беззаботно отозвалась Алиса, перекидывая через плечо лямку куртки и глядя в экран смартфона. «Он кроссовки схватил и выскочил через боковую вертушку, я видела чью-то синюю куртку в дверях. Пойдемте скорее, холодно!»

«Илья, иди заводи мотор, я несу Мишку!» крикнула Ольга Николаевна. «Тёма, наверное, уже в машине греется, сорванец!»

«Эй! Постойте! Я здесь!» закричал Тёма, изо всех сил колотя кулаком по пластиковой стенке трубы. Но звук ударов в плотном звукоизолирующем пластике утонул без следа, превратившись в глухую невнятную вибрацию. А в зале уже включились мощные промышленные пылесосы уборщиков, заглушая любые слабые звуки.

Тёма стиснул зубы. Паника холодной волной плеснула под ребра. Он рванул ногу изо всех сил, не жалея штанины. Раздался резкий треск рвущейся ткани, карабин с лязгом соскочил с петли, и нога наконец обрела свободу.

Сжимая в руке спасенный планшет, Тёма кубарем скатился по винтовому желобу прямо в сухой бассейн с шариками, взметнув фонтан разноцветного пластика. Он выскочил на мягкий мат, торопливо сунул ноги в кроссовки даже не завязывая шнурки и бросился к выходу из детского городка.

Зал вокруг него разительно изменился.

Центральный заливающий свет был выключен. Горели лишь тусклые дежурные светодиодные ленты под потолочными карнизами и зеленоватые аварийные указатели выходов. Огромное пространство первого этажа, еще десять минут назад гудевшее сотнями голосов, теперь казалось абсолютно пустым, гулким и пугающе необъятным. Персонал дневной смены уже покинул рабочие места: кассы были отключены, мониторы выдачи заказов погасли, а за стойкой раздачи блестели начищенные до зеркального блеска стальные поверхности пустых столов.

«Папа! Мама!» крикнул Тёма. Голос его эхом прокатился под высокими арочными сводами потолка и растворился в темноте верхних ярусов.

Мальчик подбежал к центральным стеклянным дверям, выходившим на Пушкинскую площадь.

В этот самый момент снаружи раздался тяжелый меха-

нический гул мощных электроприводов. Сверху, прямо над стеклянным фасадом, дрогнули и с металлическим скрежетом поползли вниз массивные перфорированные стальные жалюзи. Они двигались неотвратимо, словно бронированные опускные решетки средневекового замка. Через узкие отверстия перфорации Тёма успел увидеть, как у самого края тротуара моргнул оранжевыми аварийными огнями знакомый серебристый минивэн отца. Машина плавно тронулась с места, влилась в плотный поток на Тверской улице и скрылась за пеленой снежной крупы.

«Стой! Подождите!» Тёма изо всех сил забарабанил ладонями по толстому трехслойному стеклу.

С глухим чугунным ударом нижняя кромка стальных жалюзи врезалась в гранитный порог. Сработали автоматические ригельные замки: внутри рамы что-то тяжело щелкнуло, и уличный шум Москвы мгновенно отрезало, будто выключили рубильник. Наступила абсолютная, противоестественная тишина, нарушаемая только тихим монотонным гудением центральной вентиляции где-то под крышей.

Тёма медленно опустил руки. Сердце колотилось в груди так часто, что отдавало в висках. Он стоял один посреди темного колоссального зала главного ресторана страны. До утра оставалось ровно шесть часов.

Глава 2. Хозяин пустого зала

Первые несколько минут Тёма просто стоял у запертой стеклянной двери, вглядываясь в крошечные круглые отверстия перфорированной стальной шторы. Сквозь них уличный свет казался разбитым на тысячи мелких бледных точек. Мимо по тротуару изредка пробегали запоздалые прохожие, натянув капюшоны от колючего снега. Мальчик прижался лбом к холодному стеклу и попытался крикнуть, но звук собственного голоса показался ему жалким и нелепым. Двойной стеклопакет с аргоновым заполнением и бронированной пленкой глушил звуки надежнее бетонной стены. С улицы никто не мог его услышать, даже если бы он принялся колотить по раме огнетушителем.

Тёма сунул руку в карман куртки и нащупал свой смартфон. Тонкий металлический корпус обжег пальцы холодом. Мальчик торопливо нажал боковую клавишу питания. Экран вспыхнул бледным сиянием, высветив крупную цифру: один процент заряда. Значок батарейки тревожно пульсировал алым контуром.

«Давай, родной, только не гасни», зашептал Тёма, торопливо открывая список последних вызовов.

Он ткнул пальцем в контакт мамы. В динамике послышался длинный, протяжный гудок. Один. Второй. Сердце Тёмы подпрыгнуло к самому горлу. Еще секунда, и мама возьмет

трубку, поймет, что забыла его, папа развернет минивэн через сплошную линию и примчится обратно к ресторану.

На третьем гудке экран телефона внезапно дрогнул, по диагонали пробежала белая полоса, динамик издал тихий прощальный писк, и дисплей окончательно погас. Черное полированное стекло отразило лишь расширенные от отчаяния глаза мальчика.

Тёма судорожно нажал кнопку включения снова, потом зажал ее вместе с качелькой громкости, пытаясь вызвать принудительную перезагрузку, но аккумулятор испустил последний дух. Телефон превратился в бесполезный брусок из алюминия и стекла.

«Спокойно, Морозов», вслух сказал себе Тёма, стараясь, чтобы собственный голос звучал как можно тверже и увереннее. «Паника это худший алгоритм при системном сбое. Так всегда говорит папа. Главное оценить доступные ресурсы и определить базовые параметры задачи».

Он огляделся по сторонам. Страх, еще минуту назад сдавливавший грудь ледяным обручем, постепенно начал отступать, уступая место странному, почти фантастическому чувству. Сколько раз в жизни он бывал в этом ресторане? Десятки раз. Он приходил сюда с родителями после походов в зоопарк, праздновал дни рождения с одноклассниками, заказывал вишневые пирожки и картошку фри после трудных контрольных по математике. Но заведение всегда представало перед ним шумным, многолюдным муравейником, где пахло

жареным мясом, трещали кассовые ленты, а вокруг столов кружили сотни незнакомых людей.

Сейчас все было иначе.

Ресторан принадлежал только ему.

Огромное трехэтажное здание с высокими арочными потолками, широкими лестницами, длинными рядами мягких кожаных диванов и сверкающими черными панелями терминалов самообслуживания замерло в полумраке. Вдоль карнизов мягко светилась дежурная зеленоватая подсветка аварийных указателей, рисуя на полированном керамограните пола длинные призрачные тени. В тишине отчетливо слышался глубокий, низкий гул мощных приточно-вытяжных вентиляторов, установленных где-то в недрах технического этажа под крышей.

Тёма первым делом отправился к ряду столиков возле панорамных окон, где в деревянные панели были вмонтированы розетки и разъемы для зарядки мобильных устройств. Он достал из рюкзака провод, воткнул штекер в гнездо, но телефон не подал никаких признаков жизни. Мальчик щелкнул клавишей настенного выключателя, но ничего не изменилось: уходя, дневная смена обесточила гостевые силовые линии центральным рубильником на щите. Работали только аварийные контуры освещения и дежурные розетки служебной зоны.

В животе у Тёмы громко и протяжно заурчало. Он вспомнил, что за суматохой семейных сборов успел съесть лишь

пару картофельных долек, пока Мишка не уронил планшет. Настоящий голод навалился внезапно и властно, заставив забыть о страхе.

Мальчик медленно подошел к высокой стойке выдачи заказов. Обычно по ту сторону прилавка находилась запретная территория, куда вход простым посетителям был категорически закрыт. За массивной перегородкой начиналось то, что всегда манило Тёму с непреодолимой силой: мир сверкающей нержавеющей стали, автоматических конвейеров, таймеров и сложных кухонных агрегатов.

Тёма толкнул легкую маятниковую створку служебной калитки. Створка мягко скрипнула и пропустила его внутрь.

На кухне царил идеальный, почти хирургический порядок. Дневная смена перед уходом провела первичную уборку: стальные столы были вымыты до блеска, над широкими жарочными поверхностями свисали массивные вытяжные зонты из матовой стали, а длинные хромированные держатели для корзин фритюра блестели в лучах дежурного света. Однако ресторан на Пушкинской был предприятием круглосуточного логистического цикла, и часть оборудования оставалась включенной на дежурном подогреве в ожидании ночной технической профилактики и утреннего запуска.

В длинном двухуровневом тепловом мармите, предназначенном для поддержания температуры готовых компонентов перед сборкой, Тёма с восторгом обнаружил несколько закрытых пластиковых гастроемкостей. По всей видимости,

сотрудники кухни оставили резервный запас для завершающей смены или ночных дежурных.

Мальчик приподнял прозрачную крышку. В нос ударил восхитительный, пьянящий аромат свежеиспеченного хлеба и подрумяненного мяса. Под крышкой ровными аккуратными рядами лежали мягкие круглые булочки, усыпанные золотистым кунжутом. В соседнем подогреваемом отсеке на решетке из пищевой стали томились свежеобжаренные сочные говяжьи котлеты, источавшие тонкий дымный дух натурального гриля. Рядом стояли лотки с ровными ломтиками плавленого сыра чеддер насыщенного оранжевого цвета, контейнер с нарезанными кружочками маринованных огурцов, кольцами белого салатного лука и хрустящими листьями айсберга.

«Вот это да», благоговейно прошептал Тёма, чувствуя, как рот мгновенно наполняется слюной. «Это же настоящий королевский шведский стол».

Он подошел к раковине с автоматическим сенсорным краном, тщательно вымыл руки с антибактериальным мылом из настенного дозатора и насухо вытер их бумажным полотенцем, как положено настоящему повару. Затем Тёма натянул пару одноразовых прозрачных перчаток из подвесной коробки и встал перед широким сборочным столом.

Теперь он был не просто одиннадцатилетним школьником, забытым родителями в центре мегаполиса. Он был шеф-поваром самого большого ресторана Европы.

Тёма взял широкую булочку, аккуратно разделил ее на три части и положил на подогреваемую металлическую поверхность. Затем на нижний ярус лег щедрый слой специального соуса из подвесного пистолета-дозатора. Нажатие на курок сопровождалось звонким щелчком храпового механизма, и на теплую поверхность булочки легла идеальная пятиконечная звезда пряного оранжевого соуса с вкраплениями горчичных зерен.

Сверху Тёма положил хрустящий маринованный огурчик, щепотку свежего лука и накрыл все это первой сочной горячей котлетой. На горячее мясо лег пласт сыра чеддер, который от тепла начал немедленно плавиться, аппетитно обволакивая края котлеты. Следом пошел средний слой булочки, вторая порция соуса, хрустящий айсберг, еще один сырный ломтик и вторая котлета. Завершила конструкцию пышная золотистая верхушка с кунжутом.

Получившийся шедевр кулинарной архитектуры возвышался над стальным столом почти на пятнадцать сантиметров. Это был супер-бургер мечты, превосходивший любые стандартные порции из меню.

Но трапеза была бы неполной без напитка. Тёма подошел к массивному автомату газированных напитков. На его фронтальной панели светились яркие логотипы различных видов газировки. Автомат тихо гудел встроенным компрессором охлаждения. Мальчик взял большой полулитровый картонный стакан, нажал рычаг подачи и наполнил его сме-

сью классической колы, искристого апельсинового лимонада и пары капель концентрированного вишневого сиропа. Получился эксклюзивный авторский коктейль глубокого рубинового цвета с шипящей белой шапкой пены.

Тёма взял свой грандиозный ужин, вышел обратно в полутемный зал и устроился на самом удобном угловом диване второго яруса, откуда через панорамные стекла открывался потрясающий вид на заснеженную Пушкинскую площадь.

Первый же укус отозвался взрывом вкуса: хрустящая корочка теплой булочки, сочное горячее мясо с пряностями, нежный тягучий сыр и пикантная кислинка соуса. Тёма зажмурился от удовольствия. Все тревоги и страхи отступили на второй план. В этот момент он чувствовал себя героем приключенческой повести, исследователем необитаемого острова, потерпевшим крушение в тропическом раю, где вместо кокосов на пальмах росли горячие бургеры.

Когда последний кусочек был съеден, а стакан с шипящим напитком опустел, Тёма аккуратно сложил оберточную бумагу и салфетки в картонный поднос и отнес в контейнер для раздельного сбора отходов. Порядок должен быть порядком даже в пустом заведении.

Сытость вернула ясность мысли. Надо было готовиться к ночевке и искать средства связи с внешним миром.

Тёма спустился к администраторской стойке в служебном коридоре. На деревянном столе дежурного менеджера стоял стационарный телефонный аппарат, но трубка молча-

ла: внешняя линия требовала ввода персонального четырехзначного кода дежурного управляющего, которого мальчик, разумеется, не знал.

Зато рядом с монитором видеонаблюдения Тёма приметил две замечательные вещи.

Первой был тяжелый профессиональный фонарь в ударопрочном желтом резиновом корпусе с надписью на рукоятке. Мальчик щелкнул кнопкой на боку: мощный светодиодный луч с легким щелчком разрезал полумрак коридора, высветив противоположную стену ослепительно ярким белым кругом. Фонарь был полностью заряжен.

Второй находкой оказалась портативная служебная рация на поясном зажиме, стоявшая на зарядной док-станции. Ее зеленый светодиод горел ровным светом. Тёма снял рацию с базы и нажал клавишу включения. В динамике раздалось тихое шипение эфира, а затем сквозь треск статических помех пробился далекий мужской голос: «Седьмой на приеме. Рефрижератор номер два закончил цикл оттайки. Давление в норме, ждем ночную профилактику».

Тёма затаил дыхание. В здании кто-то был. Или кто-то должен был вот-вот появиться.

Глава 3. Шорох в вентиляции

После того как динамик служебной рации замолчал, тишина в зале показалась Тёме еще более плотной и напряженной. Мальчик выключил фонарь, чтобы не демаскировать свое убежище ярким лучом, и замер на мягком диване второго яруса, прислушиваясь к каждому шороху.

Сверху, прямо над его головой, раздался странный, царапающий звук. Затем послышалось глухое переступание мягких лап, сопровождаемое легким металлическим дребезжанием тонкой оцинкованной жести. Звук доносился из широкого квадратного короба вентиляционной шахты, протянутого под самым потолочным карнизом между вторым и третьим этажами.

Тёма насторожился, крепче сжимая в руке резиновую рукоятку фонаря. В голове вихрем пронеслись воспоминания обо всех просмотренных приключенческих фильмах и прочитанных детективных книгах. Что это могло быть? Гигантские городские крысы? Заблудившийся голубь? Или в пустом ночном здании бродит кто-то чужой, пробравшийся внутрь до закрытия?

Царапанье повторилось, на этот раз ближе к декоративной вентиляционной решетке с матовыми ламелями. Внезапно одна из пластиковых защелок решетки с негромким щелчком подалась наружу, створка приоткрылась, и в об-

разовавшуюся щель высунулся широкий влажный розовый нос, окруженный длинными белыми усами-вибриссами. В полумраке блеснули два огромных круглых глаза цвета спелого крыжовника.

«Мя-а-у», раздалось из-под потолка. Голос был густым, уверенным и совершенно не испуганным.

Створка решетки распахнулась шире, и на широкий деревянный поручень перил второго яруса бесшумно, словно мешок с пухом, приземлился великолепный, упитанный кот огненно-рыжей масти. На его широкой мускулистой груди красовалась ослепительно белая манишка, а кончик пушистого хвоста был аккуратно загнут кокетливым крючком.

Кот оглядел пустой темный зал с видом полноправного владельца недвижимости, сладко потянулся, выгнув спину дугой, и уставился на Тёму немигающим янтарным взглядом.

«Привет, разбойник», облегченно выдохнул Тёма, опуская фонарь. «Ты кто такой? И откуда ты здесь взялся?»

Кот подошел ближе, мягко ступая по ковролину, потерся мордой о край кроссовка мальчика и снова издал короткое требовательное урчание, безошибочно принюхиваясь к карману куртки, где лежал завернутый в салфетку кусочек теплой куриной грудки, предусмотрительно припасенный Тёмой во время кулинарных экспериментов на кухне.

«А, так вот в чем дело!» улыбнулся Тёма, доставая угощение и разворачивая салфетку. «Ты почувствовал запах ужи-

на. Держи, угощайся, это высший сорт, лично приготовлено».

Рыжий зверь не заставил просить себя дважды. Он с аппетитом захрустел сочным мясом, довольно прижмуривая зеленые глаза, а затем принялся методично вылизывать лапу, издавая утробное мурлыканье, похожее на работу маленького дизельного генератора.

На ошейнике кота блеснул латунный жетон в виде крошечного гамбургера. Тёма наклонился и в тусклом свете аварийной лампы прочитал выгравированную надпись: «Барсик. Хранитель тепла и гроза подвалов. Просьба не выгонять на мороз».

«Значит, ты здешний сторожил, Барсик», прошептал мальчик, осторожно почесывая кота за ухом. Кот одобрительно зажмурился и подставил бархатный подбородок под пальцы нового знакомого. «Будем дружить. Мне сейчас союзник точно не помешает».

В этот момент внизу, в глубоком служебном коридоре первого этажа, раздался громкий электронный писк кодового замка. Вслед за ним тяжело лязгнула массивная металлическая дверь черного хода, и тишину разорвали гулкие шаги тяжелых рабочих ботинок.

Барсик мгновенно подобрался, прижал уши к голове и скользнул под диван, растворившись в густой тени. Тёма, повинуясь первобытному инстинкту самосохранения, бесшумно сполз с сиденья и затаился за широкой декоративной ко-

лонной, облицованной деревянными рейками.

«Костя, ну сколько раз тебе повторять, придерживай доводчик плечом!» раздался из коридора низкий, хрипловатый бас, принадлежавший пожилому человеку. «Дверь грохает так, что на Тверской голуби с крыш взлетают. Нас дежурный наряд вневедомственной охраны примет за налетчиков, если будешь так железом хлопать».

«Да я придерживал, Григорий Степанович, она сама сорвалась», виновато отозвался второй голос, молодой и немного звонкий. «Там на гидравлике масло застыло от холода. На улице минус два уже, снег валит как в январе».

В зал первого этажа вышли двое мужчин в темно-синих рабочих комбинезонах со светоотражающими полосами на рукавах и штанинах.

Первым шел старший дежурный инженер ночной технической службы Григорий Степанович, которого все в заведении звали просто дядей Гришей. Это был крепкий, коренастый мужчина пятидесяти восьми лет с густыми седеющими усами, морщинистым обветренным лицом и цепким взглядом серых глаз из-под насупленных бровей. На поясе у дяди Гриши висела тяжелая кожаная сумка с слесарным инструментом, а в руке он держал планшет с чек-листом регламентных работ. Григорий Степанович работал в этом флагманском ресторане с самого первого дня его открытия в девяностые годы и знал каждый сантиметр здания, от глубинных дренажных колодцев до флюгера на вентиляционной башне.

Следом за ним, волоча на колесиках пластиковый ящик с диагностическими приборами и моющими концентратами, шагал его помощник, студент второго курса технологического университета Константин Белов. Костя был высоким, худым парнем двадцати лет в круглых очках в тонкой металлической оправе. На его лице читалась отчаянная борьба между студенческим недосыпом и служебным долгом: парень постоянно зевал, поправлял съезжающие на кончик носа очки и кутался в казенную теплую жилетку.

«Так, план на смену простой, как три копейки», распорядился дядя Гриша, подходя к центральному сервисному пульту у стойки выдачи. «Сначала проводим полную опрессовку и чистку фритюрных ванн номер один и номер три. Там фильтры тонкой очистки забились мелкой крошкой, датчик перепада давления желтым мигает. Потом спускаемся в подвал, проверяем компрессоры центрального холода. Во втором контуре фреон подкачать надо, утечку устранили, но давление до нормы не довели. А в четыре утра поднимаемся в серверную на мезонин».

«А в серверную-то зачем, Григорий Степанович?» с тоской спросил Костя, протирая очки краем футболки. «Там же системщики днем все настроили. Сам региональный директор Штерн приезжал, распорядился никого туда без специального допуска не пускать».

«Штерн распорядился программы ставить, а за климат и бесперебойное питание головой отвечаю я, а не Штерн», вес-

ко отрезал старый инженер, доставая из кармана связку ключей. «Туда поставили опытный центральный сервер квантовой криптографии для новой общероссийской расчетной системы сети. Эта бандура жрет электричества как трамвайный парк и греется как печка в деревенской бане. Если штатный кондиционер серверной встанет хотя бы на двадцать минут, процессоры за десять миллионов рублей расплавятся в жидкое олово. Поэтому проверим резервный контур охлаждения и аккумуляторы бесперебойника. Понял задачу?»

«Понял, Григорий Степанович», вздохнул Костя. «Пойду заправлю моечный аппарат горячей водой».

Тёма, затаив дыхание, наблюдал за мужчинами из своего укрытия на втором этаже. Сердце колотилось в груди. Первая мысль была самой простой и естественной: встать, спуститься вниз по лестнице, подойти к пожилому инженеру и честно сказать: «Здравствуйте, меня случайно забыли родители, телефон разрядился, помогите мне связаться с домом».

Но что-то внутри заставило Тёму помедлить.

Мальчик вспомнил строгие плакаты в фойе о правилах безопасности, турникеты и камеры наблюдения. Что сделает этот хмурый седой усач в комбинезоне, если перед ним в час ночи посреди закрытого охраняемого объекта появится одиннадцатилетний пацан в куртке со следами соуса на рукаве?

Дядя Гриша наверняка решит, что Тёма проник сюда специально, чтобы хулиганить или воровать. Он немедленно на-

жмет кнопку вызова вневедомственной охраны Росгвардии. Приедет экипаж с автоматами в касках и бронежилетах, Тёму заберут в отделение полиции, посадят в дежурную комнату до выяснения личности, а родителей снимут с трассы по ориентировке с грандиозным скандалом. Мама будет плакать, папа получит штраф, а сестра Алиса снимет издевательское видео для социальных сетей и будет дразнить его до самого окончания школы.

К тому же родители наверняка уже заметили его отсутствие! Тёма представил, как папа на первом же загородном пункте оплаты или заправке оборачивается назад, видит пустое сиденье, мама в ужасе кричит, они разворачивают минивэн и на полной скорости несутся обратно на Пушкинскую площадь. Они будут здесь через час, максимум через полтора. Они подойдут к служебному входу, постучат, и тогда дядя Гриша спокойно передаст его в руки папы и мамы без всякой полиции и казенных протоколов.

«Надо просто переждать пару часов в безопасном месте», решил про себя Тёма. «Здесь тепло, светло и есть Барсик. Дождусь родителей, не поднимая лишней тревоги».

В этот момент рыжий кот, сидевший под диваном, бесшумно высунул морду, посмотрел на Тёму с понимающим прищуром и тихонько тронул его лапой за штанину, словно приглашая следовать за собой.

Мужчины внизу тем временем скрылись в служебном коридоре кухни. Послышался шум набираемой в бак во-

ды, звон гаечных ключей и негромкое гудение компрессора. Путь на лестницу третьего яруса и в технические переходы был свободен.

Глава 4. Подземные лабиринты

Барсик ступал совершенно бесшумно, будто подушечки его лап были смазаны бархатом. Кот то и дело оглядывался на мальчика, забавно подергивал ушами и всем своим видом показывал, что знает в этом исполинском здании каждую щель, куда человеку без специального допуска заглядывать не положено.

Тёма следовал за своим четвероногим проводником, стараясь не скрипеть подошвами кроссовок по керамической плитке. Они проскользнули мимо закрытых дверей административных кабинетов второго яруса, свернули в глухой технический тупик и оказались перед дверью с неприметной серой табличкой: «Грузовой сервисный подъемник. Только для персонала».

Рыжий кот ловко протиснулся сквозь технологический зазор под металлической створкой, где резиновый уплотнитель был слегка подрезан, и требовательно мяукнул из темноты. Тёма нажал круглую стальную кнопку вызова. Створки грузового лифта с глухим шипением пневматики разошлись в стороны. Внутри кабина была обшита рифлеными алюминиевыми листами, пахла машинным маслом, картонными коробками и легким холодком.

Мальчик вошел в лифт, Барсик запрыгнул следом и потерся о панель управления. Единственная кнопка, светившая-

ся тусклым желтым светом, вела на минус первый этаж, обозначенный символом «Склад». Тёма нажал ее. Двери закрылись, кабина вздрогнула и плавно пошла вниз, отсчитывая метры глубины.

Когда двери открылись снова, Тёма невольно замер на пороге, пораженный масштабом открывшегося пространства.

Он ожидал увидеть обычный темный тесный подвал с трубами и пыльными углами, какие бывают в жилых многоэтажках. Вместо этого перед ним раскинулся гигантский логистический терминал, скрытый прямо под брусчаткой Пушкинской площади. Широкие бетонные коридоры, залитые ровным светом люминесцентных ламп, уходили вдаль на десятки метров. Высокие потолки подпирались массивными железобетонными колоннами, а вдоль стен тянулись многоярусные металлические стеллажи, уставленные тоннами грузов на деревянных европоддонах.

Здесь хранился стратегический запас всего, что обеспечивало непрерывную работу самого загруженного ресторана столицы. Тёма медленно пошел по главному проходу, с любопытством читая маркировку на гигантских коробках.

На одних стеллажах до самого потолка высились аккуратные штабели упаковок с фирменными бумажными стаканами для газировки и кофе: тысячи, десятки тысяч стаканов, аккуратно затянутых в прозрачную термоусадочную пленку. Рядом громоздились ящики с разноцветными салфетками, соломинками, пластиковыми крышками и лоточками для со-

усов. Чуть дальше виднелись целые штабели металлических баллонов со сжатым углекислым газом и сиропных концентратов в специальных гибких контейнерах, от которых к потолку тянулись пластиковые шланги высокого давления.

Внезапно под ногами Тёмы задрожал бетонный пол. Из глубины земли донесся низкий, утробный, глухой гул, переходящий в мерную вибрацию. Тёма на секунду замер, прислушиваясь, но быстро понял, в чем дело: прямо под фундаментами этого квартала, на глубине сорока метров, пересекались три линии столичного метрополитена Таганско-Краснопресненская, Замоскворецкая и Серпуховско-Тимирязевская. Ночью по тоннелям шли тяжелые хозяйственные поезда и мотовозы путевых обходчиков, разнося подземное эхо по гранитным пластам московских недр. Это ощущение глубины и скрытой мощи города наполняло душу мальчика восторгом первооткрывателя.

На стене возле главного коридора Тёма заметил застекленный деревянный стенд. Под стеклом висели пожелтевшие исторические фотографии тридцатилетней давности: знаменитое открытие первого ресторана тридцать первого января девяностого года, гигантская очередь москвичей в зимних шапках и дубленках, опоясывавшая весь Новопушкинский сквер, сияющие улыбки первых поваров и поздравительные грамоты. Рядом висела массивная бронзовая памятная плакетка с благодарностью инженерам и строителям, создавшим этот уникальный объект.

Тёма с гордостью подумал о том, что его отец Илья Андреевич работает в той же строительной сфере. Было что-то удивительно правильное в том, как труд сотен инженеров соединял разные эпохи города в единое живое целое.

В середине коридора температура воздуха резко упала. От пола потянуло ледяным дыханием, а дыхание Тёмы превратилось в густые клубы белого пара.

Мальчик подошел к массивным двустворчатым дверям, напоминавшим люки океанского батискафа. Толстые резиновые уплотнители по периметру были покрыты пушистой снежной изморозью, а над дверью светился цифровой термометр, показывавший минус двадцать два градуса по Цельсию. Надпись на стальной табличке гласила: «Центральная морозильная камера глубокой заморозки».

Тёма заглянул в круглое смотровое окошко из толстого армированного стекла. Внутри камеры, в белесой морозной дымке, на высоких паллетах высились настоящие ледяные горы: тонны замороженного картофеля фри в длинных мешках, сотни коробок с котлетами для бургеров, замороженная курица, пирожки и десерты. Оттуда доносилось мерное, гулкое урчание промышленных испарителей, поддерживавших арктический холод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.